

18+ НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ
НАДЕЖДИН

Виктор Некрасов. Русский... Ремарк?

МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ
О БОЛЬШОМ УСПЕХЕ

НЕК

В. Некрасов

В САМЫЕ
АДСКИЕ
КОТЛА
ПОБЫВ

Николай Надеждин

**Виктор Некрасов. Русский...
Ремарк? Маленькие
рассказы о большом успехе**

«Издательские решения»

Надеждин Н. Я.

Виктор Некрасов. Русский... Ремарк? Маленькие рассказы
о большом успехе / Н. Я. Надеждин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-643552-0

История Виктора Платоновича Некрасова — это история наоборот. Сначала он был архитектором. Потом ушёл на войну. Во время войны (а он воевал под Сталинградом) он был ранен, написал книгу, в которой имя Сталина не упоминалось. И Сталин его... сделал лауреатом Сталинской премии, дав дорогу писателю Некрасову. Потом Сталин умер. Пришёл Хрущёв, которому Некрасов не понравился. Потом пришёл Брежнев, который выгнал Некрасова из страны за Бабий Яр (место, где расстреливали евреев в Киеве).

ISBN 978-5-00-643552-0

© Надеждин Н. Я.
© Издательские решения

Содержание

Виктор Некрасов	6
1. Маленькая печальная повесть	7
2. Обычный человек с необычной судьбой	8
3. Эрих Мария...	9
4. Солдатская правда	10
5. Три судьбы Виктора Некрасова	11
6. Корни	12
7. Лозанна – Париж	13
8. Ленин и Луначарский	14
9. Старый Киев	15
10. Николай Некрасов	16
11. Киевский адрес	17
12. Коммуналка	18
13. Мама, тётя, бабушка	19
14. Архитектор	20
15. Театр	21
16. Актерская судьба	22
17. Война	23
18. Тридцать лет	24
19. Галя	25
20. На фронте	26
21. Сталинград	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Виктор Некрасов. Русский... Ремарк? Маленькие рассказы о большом успехе

Николай Яковлевич Надеждин

© Николай Яковлевич Надеждин, 2024

ISBN 978-5-0064-3552-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Николай Надеждин

«Маленькие рассказы о большом успехе»

Виктор Некрасов Русский... Ремарк? 2024

Введение

Помимо всего прочего компьютерная эпоха изменила и личную библиотеку. Большая часть книг переселилась в память ноутбука. А на полке остались только самые любимые томики – те, без которых жизнь не в радость.

Их не так-то и много. Хемингуэй. Экзюпери. Книга стихов Киплинга. Разумеется, Довлатов. А ещё Ремарк и Виктор Некрасов.

Ремарк и Некрасов рядом всегда – по крайней мере, для меня. Я не могу их разделить. Беру в руки «Триумфальную арку», в сотый или даже в двухсотый раз. Открываю наугад. И, не надевая очков, поскольку знаю романы Ремарка почти наизусть, читаю с любой страницы. И, стыдно признаться, до сих пор проливаю слезу... И над Некрасовым, случается, грущу. Не могу читать его повести равнодушно. Сердце вибрирует. Тоскует душа...

Они, действительно, очень созвучны. Виктор Платонович терпеть не мог этого сравнения. Но он меня не слышит, а потому – можно... Они стоят друг друга. Гениальный Ремарк и просто очень хороший писатель Некрасов. Они одного поля ягода. Одной пробы самородки.

Что ни возьми у Некрасова, всё прелесть. Любая повесть, любой рассказ и любой очерк.

Знаете, в чём секрет очарования прозы Виктора Некрасова? Для того, чтобы так писать, нужно быть не только талантливым, но и исключительно порядочным человеком. Интеллигентным, отзывчивым, настоящим.

Оглянитесь вокруг. Много таких? Вот то-то и оно.

1. Маленькая печальная повесть

Последняя книга, написанная Виктором Платоновичем Некрасовым – «Маленькая печальная повесть»... Нет, не книга – это, действительно, совсем небольшая повесть. Очень добрая, трогательная, искренняя.

Вот главное – искренность. Всё, что писал Некрасов, было от души, от самого сердца. Так писать может только честный человек, который не лжёт своему читателю, не заигрывает с ним, говорит на равных, как со своим. Некрасов в этом отношении редкий «фрукт» на огромном поле советской литературы. Он успешно преодолел соблазн конформизма и сохранил свою совесть. Это редко кому удавалось. Ему – удалось...

Читать Некрасова можно с любого места. Полагается с первой повести «В окопах Сталинграда», поскольку это лучшее его произведение. Но можно начать и с конца – вот с этой «Маленькой печальной повести». Легче воспринимается сама тема. Заграница и сегодня, когда можно выезжать куда угодно, привлекает нас и самим фактом своего существования (оказывается, люди там живут очень даже неплохо, хотя, казалось, что за пределами СССР приличной жизни не существует), и свободой (экзотическое для большинства из нас лакомство, на вкус горьковатое, и не понятно, с чем его употребляют). И потом – невозвращенец, люди искусства, Париж, который «всегда с тобой». Короче, весь набор под одной обложкой.

Но эта история, в которой легко угадать судьбу Нуреева и Барышникова (причем, в первую очередь Барышникова, Нуреев – как личность – всё же сильно отличался от героя повести и не в лучшую сторону), вовсе не сказка и не притча. Это – вполне реальная история. Или похожая на реальность больше, чем сама реальность.

2. Обычный человек с необычной судьбой

Неожиданный вопрос – а кто, собственно, этот Виктор Некрасов? Классик советской литературы? Нет. Антисоветской? Тоже нет. Он, вообще, не классик. Он – хороший писатель. И хороший человек. Очень хороший.

Но хороших же полным-полно. И что с того? Недаром же говорят – хороший человек – не профессия?

Всё так. Но вот представьте себе человека, который поразительно напоминает вашего отца. Моего уже давно нет в живых. И я по нему ужасно тоскую, хотя мне самому уже больше лет, чем хотелось бы. Беру в руки книгу Виктора Платоновича. Раскрываю. И читаю слова, которые когда-то слышал от отца.

Конечно, это другие слова. Это другие сюжеты, другая жизнь. Но суть та же. Без дешёвой прямолинейной дидактики, без тоскливых поучений Некрасов говорит мне те истины, ради которых, собственно, и берёшь в руки любую книгу. Говорит просто, без лишних витиеватостей. Читая его повести, слышишь голос живого человека, даже если никогда не слышал голоса самого Виктора Платоновича.

Правда, человек был абсолютно не героический, при всей необычности его судьбы. Обыкновенный, но не заурядный, совершенно земной, но удивительно талантливый, страдающий теми же пороками, которые донимают многих из нас. А кто без греха?. Он, к примеру, любил выпить. И мог принять довольно много – больше, чем среднестатистический советский пьяница. Однако... какое это имеет значение сейчас, когда Некрасову стукнул почти век? Да если бы нашлась ещё пара-тройка таких же выпивающих советских писателей с таким же острым чувством правды, то... совесть нашей литературы была бы спасена.

3. Эрих Мария...

Начинать знакомство с книгами Некрасова (а у меня есть устойчивое предчувствие, что для многих моих современников это писатель малознакомый, а то и незнакомый вовсе) можно с любой его вещи. И понять Виктора Платоновича будет проще, если вспомнить... Ремарка.

Они удивительно созвучны. Та же неторопливая повествовательность, но ни одной лишней фразы, тот же грустный юмор. И это не удивительно – Некрасов боготворил Ремарка. Поначалу вместе со сверстниками, ещё до войны, увлёкся Хемингуэем. Но потом возник Ремарк. И всё встало на свои места. Героика «настоящего мужчины» чуть отступила вглубь, а на первый план выдвинулись страдания «вечного эмигранта»...

Кем мы были в той, советской жизни? Разве не эмигрантами? Реальными, внутренними – какая разница? Одинаково бежали от тотального засилья лжи. Зло иронизировали – изредка вслух, но чаще про себя, молча, наблюдая по телевидению жаркие поцелуи товарища Брежнева с каким-нибудь Луисом Корваланом. Искренне печалились судьбе великой страны, сползающей куда-то в сторону, но всё равно к неотвратимой гибели. С тоской смотрели советское кино, в котором правды было меньше, чем идеологии... И после этого обвинять Некрасова в «ремаркизме»? Да он и был нашим Ремарком (слышал бы эти слова Виктор Платонович, сильно огорчился – он очень не любил сравнений с Ремарком). В том смысле – что писал такую же горькую правду от частного лица, от одинокого беззащитного человека. То есть от своего имени и, как оказалось, от нашего.

А ещё повести Некрасова так же легко читать, как романы Ремарка. Ощущения те же. И то же дивное послевкусие.

4. Солдатская правда

Главным произведением Некрасова осталась относительно небольшая по объёму (не трёхкилограммовый «кирпич») повесть «В окопах Сталинграда»...

Здесь важно помнить – книгу писал раненный офицер, мающийся в госпитальной палате. Он сам всё видел, сам всё пережил. И писал, прежде всего, о себе.

Конечно, о войне надо писать, приседая и подпрыгивая. Пышно, велеречиво, с постоянными комплиментами погибшим (словно им уже ни всё равно) и с подчёркнутой ненавистью к врагу. То есть с одной стороны «беспримерный подвиг народа», с другой – «Гитлер капут». Вот вам и универсальный рецепт изготовления батальной патриотической нетленки, которую нестыдно толкнуть (в порядке установленной «союзысом» очереди) в печать или даже выдвинуть на госпремию.

И толкали, и выдвигали! Тонны подобной литературы лежали в библиотеках и на полках магазинов. И что совсем удивительно, эти патетические произведения писались вовсе не прозаиками, «ковавшими победу» где-нибудь в Ташкенте, а фронтовиками – настоящими, хлебнувшими полной чашей.

О войне надо писать... нет, не каким-то там сниженным (рабоче-крестьянским, как порывались писать в то время, или полуматерным, как пишут сейчас) солдатским языком. О ней надо писать правду. Только то, что ты видел сам. Что сам пережил. Чего больше всего боялся и чему больше всего радовался. И тогда война предстанет другой – тяжёлой выматывающей работой, грязной, зачастую напрасной. Кровью, месивом дорожной грязи, случайной и нелепой смертью товарища. Самыми ужасающими проявлениями человеческой глупости и... бесконечного терпения.

Некрасов был не единственным, кто сумел рассказать о войне правду. Он был первым. А потом появились Астафьев, Бакланов, Быков. И все, кого мы так любим. Некрасов был первопроходцем.

5. Три судьбы Виктора Некрасова

Как и многие разносторонне одарённые люди, Виктор Платонович прожил несколько судеб. Первая его судьба – архитектора. Правда, архитектором он был совсем недолго (но дипломированным, без дураков). Зато любовь к архитектуре сохранил на всю жизнь. И был очень хорошим художником, что для архитектора качество необходимое.

Вторая судьба – актёрская. Этого мы не знаем и знать не можем. В кино актер Некрасов не снимался, а спектакли с его участием не были засняты. Но те, кто видел Виктора Платоновича на сцене, говорили, что играл он хорошо. Его актерскую карьеру прервала война, после которой на сцену он уже не возвращался.

Третья судьба – писательская. Начавшаяся очень поздно (первая повесть вышла, когда Некрасову уже перевалило за 36 лет), она миновала сразу несколько положенных большому прозаику стадий – многолетнего ученичества, увлечения поэзией (Некрасов не особенно интересовался стихами и никогда их не пытался сочинять). Он сразу начал с вершины и покориł её. Всё, что он написал после первой повести, было где-то рядом, но уже не на самом верху. Это как у Сэлинджера, который тоже не смог одолеть своей же «Пропасти во ржи»...

Некрасов никогда не был богат. Не собирал дорогих картин, не обзавёлся автомобилем. И наград у него было относительно немного. Ну, совсем небольшой солдатский «иконостас», заработанный им собственной кровью (все военные награды Некрасова были конфискованы советскими властями при его выдворении из страны). Сталинская премия, которую Некрасов передал на закупку колясок для инвалидов войны. И французский орден Почётного легиона, который к негодованию Некрасова ему пришлось самому купить в магазине (в Париже вручают только удостоверение на орден).

Негусто? Нет, достаточно. Для его трёх жизней в самый раз.

6. Корни

Вступление (а это оно и было, если кто-то ещё не догадался) изрядно затянулось. Пора переходить, собственно, к биографии... Простите меня, Виктор Платонович, если что получится не так. Не сердитесь. Всё это написано с большой искренней любовью – к вашим замечательным книгам и лично к вам...

Будущий писатель Виктор Платонович Некрасов появился на свет 17 июня 1911 года в Киеве. Отец – Платон Федосеевич Некрасов, по профессии банковский служащий. Матушка – Зинаида Николаевна (в девичестве Мотовилова), врач.

Ребенок был поздний – Зинаида Николаевна родила Вику (это уменьшительное имя закрепилось за Виктором Платоновичем на всю жизнь) в 31 год – и второй после старшего сына Некрасовых Коли, родившегося в 1900 году. Первые несколько месяцев жизни, пока мальчик достаточно окреп, чтобы без особых вынести дальнюю поездку, Вика прожил в Киеве. А потом его родители переехали в Швейцарию.

Вероятно, Платон Федосеевич был хорошим экономистом и зарабатывал приличные деньги. Возможно, семья, вообще, была вполне обеспеченной (так далеко в прошлое заглянуть не удалось). Во всяком случае молодая семья смогла себе позволить отправиться в Лозанну, где Зинаида Николаевна, студентка медицинского факультета, смогла закончить образование в Лозаннском университете.

В Швейцарию Некрасовы отправились в том же 1911 году. На месте сняли квартиру. Платон Федосеевич устроился на работу, а Зинаида Николаевна продолжила осваивать азы профессии врача.

7. Лозанна – Париж

В Швейцарии Вика прожил первые четыре года жизни. От тех лет в его памяти не осталось, практически, ничего. Слишком уж он был мал и потрясений особых не случилось – таких, чтобы врезались в память на всю жизнь. Обычная жизнь обычной интеллигентной семьи. Работа, учёба, вечерние прогулки по приветливым улицам швейцарского города. Игры младшего сына со старшим, впрочем, достаточно редкие из-за разницы в возрасте. Летом выезды на пикники, зимой – уютный дом и вечера у камина...

Всю последующую жизнь, большую её часть, Некрасовым придётся жить в коммуналке, причём, в очень неважной квартире – старой, с разваленной сантехникой, неухоженной. То есть опять же – обычный для советского человека быт, на который накладывалась специфика коммуналки. Как ни ухаживай за своей комнатой, а на остальной территории общей квартиры хозяйничают люди, которые и определяют качество твоей жизни и даже твой быт.

Два мира, две системы – как мудро писали в своих публицистических очерках советские писатели, которым разрешили побывать на загнивающем западе. Вике сравнивать не приходилось, а его матушка Зинаида Николаевна сравнивала всю жизнь. Сравнивала и помалкивала. Изменить-то уже ничего невозможно. И Швейцария осталась в далёкой молодости – забытой сказкой, о которой оставалось лишь вздыхая вспоминать...

Летом 1915 года, когда в Европе уже вовсю бушевала мировая война, Зинаида Николаевна получила диплом врача. И Некрасовы решили вернуться домой. Но... как? Восточные границы закрыты. Поезда не ходят.

Они переехали в Париж. И несколько месяцев Зинаида Николаевна работала хирургом в военном госпитале – до тех пор, пока не появилась возможность вернуться в Россию через Англию, Швецию и Финляндию.

8. Ленин и Луначарский

Любопытная и даже милая подробность – в Швейцарии Платон Федосеевич познакомился и даже сдружился с русскими эмигрантами, будущими властителями России. А именно – с Владимиром Ильичом Лениным и с Анатолием Васильевичем Луначарским.

Что здесь, собственно, любопытного? Во-первых, обстоятельства знакомства. Во-вторых, личности самих эмигрантов. Чем они могли заинтересовать экономиста Некрасова? Что их связывало?

Дело происходило в одной стране, да в разных городах. Некрасовы жили в Лозанне, а Ленин и Луначарский в 66 километрах к юго-западу, в Женеве. Хотя, по некоторым сведениям, Луначарский какое-то время жил и в Лозанне, причем, в одном доме с Некрасовыми. Вероятно, Платон Федосеевич навещал Женеву по своим делам. Или парочка прославленных большевиков не брезговала близлежащей Лозанной. Так или иначе знакомство состоялось.

Что же касается точек соприкосновения... Луначарский жил в Женеве много лет и возвращаться с семьёй в Россию не собирался. Февральская революция 1917 года стала для него большим удивлением. В Россию Анатолий Васильевич вернулся один, оставив семью в Швейцарии. Понимал, что пребывание на родине может обернуться неприятностями и не ошибся – 23 июля он был арестован и посажен в «Кресты» по обвинению в государственной измене, что в свете последующих событий выглядит совершенно оправданным.

Ленин тоже обосновался в Швейцарии всерьёз и надолго. Стоит ли удивляться, что их, русскоязычных эмигрантов (а способность Владимира Ильича к языкам сильно преувеличена), тянуло к соотечественникам? Поболтать о всякой всячине...

9. Старый Киев

В 1915 году семья Некрасовых, спасаясь от бушевавшей в Европе войны, вернулась в Киев. И... угодила, по сути, в прифронтовой город. Множество военных госпиталей, в которые были превращены киевские монастыри, военные патрули на улицах, введение комендантского часа в самые тревожные дни. В городе было холодно и голодно. Продукты приходилось покупать либо на рынках, либо в дорогих магазинах. Цены взлетели до небес. В предреволюционные годы Киев был вовсе не самым благополучным городом старой России...

В 1917 году внезапно скончался Платон Федосеевич. Он был совсем молод – не успел разменять пятый десяток лет. Матушка Вики Зинаида Николаевна осталась одна. Больше она замуж никогда не выходила. Платона Федосеевича похоронили в Киеве на Байковом кладбище. Спустя 53 года, в 1970-м, рядом с мужем в сырую землю легла и Зинаида Николаевна. Здесь же похоронены и бабушка Виктора Платоновича Алина и его тётя Соня. Их могилы ухожены и сегодня – свежие цветы к памятникам возлагают друзья Виктора Платоновича. Память о нём и о его родителях жива до сих пор.

Перебравшись в Киев, семья поселилась в доме 24 на улице, которая в советские годы получила название Горького. Здесь в одной из шести комнат квартиры номер 17, в самой большой (площадью в 40 квадратных метров), умещались и Зинаида Николаевна, и её мать, бабушка Вики Алина Антоновна Мотовилова, и тётушка Вики Софья Николаевна, и сам Виктор. Чтобы хоть как-то выгородить жизненное пространство для каждого, комната была разделена на закутки шкапами и комодами.

10. Николай Некрасов

Старшего брата Николая Вика почти не помнил – Коля погиб, когда Виктору было всего семь лет. Это случилось в 1918 году. Отбившийся от семьи девятнадцатилетний юноша, вчерашний гимназист, был забит до смерти солдатскими шомполами где-то под Миргородом. Безутешная мать Зинаида Николаевна безуспешно разыскивала тело старшего сына или место, где он был похоронен. Не нашла ни того, ни другого. Более того, обстоятельства его гибели так и остались невыясненными. Вроде бы юношу убили за книжки на французском, которые у него обнаружил большевистский патруль...

Николая и Вику разделяла слишком большая разница в возрасте. 11 лет – целое поколение. Потому особенно близки они не были никогда. В своей книге «Саперлипопет» Виктор Платонович вспоминал, что иногда Коля был по-детски с ним жесток. Его игры часто переходили за грань родственных отношений. Так дети мучают котят, не желая им, в общем-то, зла – просто не имея душевного барьера, не отделяя добра от зла. Но при этом сам Вика вспоминал старшего брата с тихой грустью. Ещё бы – непрожитая жизнь, непоправимо искалеченная судьба, прерванный взлёт.

Николай был уже юношей, когда Некрасовы жили в Париже. Виктор Платонович рассказывал, что Коля интересовался живописью и театром. Очень хорошо рисовал, причём, в своём собственном стиле, не подражая никому. Именно от старшего брата, на которого Вика смотрел снизу вверх, Виктору Платоновичу досталась и любовь к театру, и страсть к рисованию.

Но... не случилось. Вместо двух талантливых Некрасовых жить остался только один – Вика.

11. Киевский адрес

Шестикомнатная квартира на пятом этаже шестиэтажного дома была одной из самых плохих в этом некогда роскошном доме. Шесть комнат – шесть семей. Все квартиры в этом доме были коммунальными. И Некрасовым не повезло на соседей. Люди простые, в хороших домах никогда не жившие, они быстро привели в негодность и плиту, в которой не работала духовка, и ванную, в которой не работал душ, а потому использовать ванную по прямому назначению было невозможно.

Зато в комнате семьи Некрасовых – самой большой из всех шести комнат квартиры был балкон, и окна выходили на улицу, а не в тёмный колодец внутреннего двора.

Три женщины в семье и мальчик. Комната просто сияла чистотой, однако из-за тесноты на полу, подоконниках, на шкафах было полно всякой всячины – газет, журналов, книг. Сложенные аккуратными стопками они, тем не менее, оставляли впечатление лёгкого превентивного бедствия, словно обитатели комнаты собирались съезжать, да так толком и не собрались.

А семья, между тем, была исключительно интеллигентной. Виктор Платонович вспоминал, что бабушка Алина владела русским языком так, как им владели аристократы. В семье был культ книг. Редкие издания покупались, выменивались, передавались и принимались в дар. Книга у Некрасовых была неразменной валютой, безусловной и главной семейной ценностью. Понятно, что в такой семье вырасти мог только... писатель.

12. Коммуналка

Иногда Зинаида Николаевна заходила к соседям, жившим в квартире этажом ниже. Эта квартира была заселена не так плотно – на шесть комнат приходилось пять семей. К тому же в этой квартире редко возникали ссоры, а жильцы относились к обстановке куда как бережней. Поэтому в этой квартире работали и духовка, и ванна. Зинаида Николаевна приходила сюда печь пасхальные куличи и просто пообщаться с семьёй Бару. Дочь Бару Мара, в ту пору совсем ещё девочка (она была на десять лет младше Виктора) запомнила и Зинаиду Николаевну, и её сына Вику.

Вика тогда учился в школе, увлекался изучением языков и играл в школьном театре. Маре он подарил дивную книжку на немецком языке. Немецкий Мара так и не выучила, а потому запомнила лишь замечательные картинки, на которых был изображен мальчик на ходулях. Прошло время и такие же ходули появились во дворе их дома – кто-то выстругал их сам и научился ходить...

Вообще, 24-й дом был очень хорош (не разделённый на коммуналки, конечно, а в первоначальном виде). Собственно, это были два дома, соединённых двумя лестницами – парадной, по которой ходили все, и чёрной, тёмной и с чугунными ступенями. Чёрная лестница выходила во двор-колодец. Дети спускаться по ней не рисковали – это была запретная для них зона, пугающая и тревожная.

В старом доме был лифт, который в советские времена не работал. Мраморная лестница была выстлана красным ковром, во времена отрочества Вики полуистлевшим и превратившимся в лохмотья.

13. Мама, тётя, бабушка

Отца Вика потерял слишком рано, чтобы Платон Федосеевич успел оказать на сына хоть какое-то влияние. Отец так и остался героем семейных преданий и воспринимался Викой, как некий идеальный персонаж общего с мамой и бабушкой прошлого, в котором Некрасовы были несказанно счастливы.

Мальчик воспитывался женщинами – бабушкой, тётушкой и мамой. Воспитание можно назвать однобоким, но... в результате получился очень мужественный, сильный человек с трепетным сердцем и отзывчивой душой.

Маму Виктор Платонович боготворил. И она беспрекословно верила сыну, выдержав все испытания матери «неблагонадёжного» гражданина, который того и гляди угодит в тюрьму за какие-то непонятные, но, вероятно, очень опасные для общества поступки. Она, например, очень жалела Хрущёва, полагая, что тот попал в неприятную ситуацию «разжалованного пенсионера» только потому, что тот когда-то устроил гонения на Виктора. Зинаида Николаевна, вообще, считала, что её сын приносит несчастья всем, кто его преследовал – руководству Союза писателей, «прорабатывавшему Вику», главным редакторам журналов, в которых публиковались разгромные статьи о Некрасове, партийной верхушке. Совсем уже старенькая, Зинаида Николаевна с жалостью говорила: «Может ему ещё дадут чуть-чуть поруководить? Он же неплохой человек. И так любил поговорить...» Это о Хрущёве, смещённом с высшего партийного поста ближайшими соратниками.

14. Архитектор

В 1918 году Вика поступил в среднюю школу. Учился прилежно, в школе увлекался языками, рисованием, черчением и... театром. Он играл в школьных спектаклях. Не пропускал ни одной театральной премьеры, став завсегдатаем практически всех театров Киева.

Получив аттестат, Вика тут же подал документы в Киевский строительный институт. И поступил на архитектурное отделение. И, опять же, учился хорошо, понимая, что вся надежда семьи только на него.

Ещё в институте Некрасов стал посещать студию при киевском театре русской драмы. В 1936 году Вика закончил строительный институт, получив диплом архитектора. Год он проработал архитектором, продолжая обучение в театральной студии. В 1937 году получил диплом актёра, оставил архитектуру и к этой профессии в мирной жизни больше не возвращался.

Среди талантов Виктора Платоновича есть и такой, что совершенно необходим архитектору – он был хорошим рисовальщиком. Предпочитал бумагу и карандаш. Рисовал очень хорошо. Его автопортреты и наброски в путевых заметках поражают точностью штриха и яркими образами. Он запросто мог бы стать хорошим живописцем. И он стал им, пусть и отчасти. В его довоенной жизни работа в театрах Киева, Владивостока, Кирова и Ростова-на-Дону – в качестве актёра и... театрального художника. Так что говорить нужно не о трёх судьбах Виктора Некрасова, а о четырёх. Правда, в зрелом возрасте живописью он особенно не увлекался.

15. Театр

Откуда у Вики Некрасова увлечение театром? Оттуда же, откуда и интерес к литературе – от бабушки, тётушки, мамы.

Виктор рос в очень интеллигентной семье, в которой много читали и живо обсуждали все события культурной жизни Киева. А город был не только украинским, но и русским. И даже больше русским, поскольку в сталинские времена шла неуклонная деукраинизация Киева. Русский драматический театр стал для Некрасова и школой жизни, и объектом постоянного интереса. Собственно, уже к окончанию школы Вика знал, что будет актёром. Да по настоянию матушки согласился поступить в строительный институт, чтобы «иметь верный кусок хлеба».

Ему не довелось стать ведущим актёром в тех театрах, куда его забрасывала судьба. Он не сыграл ярких ролей – таких, чтобы получили известность на весь Советский Союз. Театры были провинциальные, небольшие. Исключение киевский театр, но здесь Виктор Платонович проработал недолго. Больше времени он провёл в Владивостоке и в Ростове-на-Дону.

Каким он был актёром, не помнит уже никто. Наверное, неплохим. Во всяком случае, четыре года на сцене – срок пусть и небольшой, но не такой уж и малый. Если бы ни война, Виктор Платонович, возможно, так и остался бы в театре. Но этого не произошло. Война переиначила многие судьбы. Вику она заставила пересмотреть всю свою жизнь. И выводы этой жесткой переоценки оказались неутешительными – театр надо было оставить в прошлом.

16. Актерская судьба

И всё же театр – вовсе не кратковременный эпизод в жизни Виктора Платоновича, а часть его судьбы. И немалая часть. Актёрские навыки он сохранил на всю жизнь. Достаточно разыскать записи его передач на радио «Свобода» (например, чтение Некрасовым своих рассказов – они есть в онлайн-архиве радиостанции), чтобы понять – читает не дилетант, а профессиональный актёр. И это спустя четыре десятилетия после того, как Виктор Платонович в последний раз вышел на театральную сцену...

Понимание сути драматургии, самой конструкции театрального повествования должны были помочь Некрасову в становлении его как писателя. И тема театра время от времени возникала в его рассказах и повестях. Однако... он не написал театральных пьес, не пытался перенести на сцену свои произведения. И, вообще, словно забыл о том, что в «прошлой жизни» был актёром.

В чём тут дело? В особенностях характера Виктора Платоновича. У этого человека было острое чувство на фальшь. Он терпеть не мог лжи. И, скорее всего, себя самого судил самым строгим судом совести. Считал, что актером был не очень хорошим. А быть «не очень» он просто не мог.

Правда, в пятидесятые годы, когда он впервые подвергся уничижительной критике за повесть «Кира Георгиевна», Виктор Платонович был невысокого мнения и о своих писательских способностях. Повесть и в самом деле получилась не самой лучшей из того, что он написал. Кое-где в ней были длинноты и некоторая вялость повествования. И Некрасов, устав от обвинений в небрежности, просто махнул рукой. Мол, оставьте меня. Неталантлив, и что с того?.. Слава богу, не бросил профессию. А не особенно задавшаяся повесть осталась временным спадом, но... никак не провалом.

17. Война

Война застала Виктора Платоновича в Ростове-на-Дону. Он был занят в спектакле, увлечённо играл, числился на хорошем счету. Поскольку он входил в основной состав актёрской труппы, режиссёр театра сообщил ему, что Виктор Платонович не подлежит призыву в армию и вполне может рассчитывать на бронь. Однако, Некрасов от брони отказался. Сам отправился в военкомат и потребовал, чтобы его призвали.

Вот тут-то и наступило время вернуться к полузабытой профессии архитектора. Виктор Платонович показал комиссии свой диплом инженера-строителя и тут же был призван и направлен в сапёрную часть в качестве младшего офицера, получив звание лейтенанта...

Так Некрасов стал одним из миллионов защитников отечества, отправляющихся на фронт без особой надежды уцелеть. В его жизни война стала тем Рубиконом, что делит судьбу человека на «до» и «после». Не каждый человек преодолевает этот рубеж достойно. Некрасов преодолел. Из великой войны он вышел не просто другим человеком, он вышел из неё писателем.

Но всё это будет позже. А пока Некрасов с тревогой читал сводки Совинформбюро, каждое утро бежал в свой театр, свободными вечерами бродил по Ворошиловскому проспекту, спускался к Дону и... вспоминал родной Киев, по которому очень тосковал. Он был ещё актёром и... холостым молодым человеком. В эти тревожные летние дни 1941 года Вику посетила любовь – единственная и на всю жизнь.

18. Тридцать лет

За пять дней до начала войны Вика Некрасов отметил тридцатилетний юбилей... Позади тридцать лет жизни – а что он сделал за эти годы? Чего добился, крошечной популярности провинциального актёра? Но он и сам знал, что актёр из него получился так себе. И то, что должно было с ним произойти на театральной сцене, к тридцати уже бы произошло – если бы... было суждено. Но по всей видимости, жизнь пошла не в том направлении.

Первый юбилей и первая серьёзная переоценка прожитого. Кризис, который способен изменить всю жизнь. Именно в ту предвоенную неделю, выпивая с друзьями по поводу собственного дня рождения, Вика и задумался о литературе.

К профессии писателя его подталкивала сама судьба. Матушка Виктора Платоновича Зинаида Николаевна состояла в дальнем родстве с Анной Ахматовой. Благодаря усилиям матушки и тётушки, Вика получил блестящее гуманитарное образование – в добавок к тому инженерному, что дал ему строительный институт. Наконец, театр, который начинается вовсе не с вешалки, а с хорошей литературы...

Против аргументы тоже имеются. Некрасов никогда особо не интересовался поэзией и даже признавался, что плохо её знает. Постигая азы литературного мастерства самостоятельно, Некрасов с одной стороны не входил ни в какую литературную группу, но с другой много лет боролся с зависимостью от литературного влияния великих писателей современности Хемингуэя и Ремарка.

Но... не слишком ли мало аргументов против?

19. Галя

Когда-то Виктор Платонович посетовал, что всё у него в жизни немного не вовремя. Слишком поздно вошёл в литературу. Слишком поздно понял, в какой партии состоит. Слишком долго осторожничал, не решаясь сказать правду. Слишком поздно решил уехать.

Нет, всё было именно так, как и должно быть. Просто Некрасову довелось жить в эпоху дилетантов, когда профессионалы во всех областях попросту уничтожались, а на их место приходили «кухарки». Тяжёлое время. Безжалостное...

Женился Некрасов тоже поздно. Ему было за тридцать, когда он сделал предложение актрисе ростовского театра Галине Викторовне Базий. Галя была моложе Вики на три года. Красивая, волевая женщина, талантливая актриса, хороший, надёжный человек. Она успела побывать замужем, воспитывала сына Витю, который станет приёмным ребенком Некрасова.

Судьба подталкивала их друг к другу, а война разлучала. Вика и Галя договорились отложить бракосочетание. Виктор Платонович собрался на фронт. И прекрасно знал, что шансы выжить ничтожны. Оставлять Галю вдовой он не хотел... Он ушел в армию, она уехала с театром в эвакуацию. И в конце войны, когда Некрасов был демобилизован в офицерском звании и с инвалидностью по ранению, они снова встретились. И больше уже не расставались.

А что касается «сердечных приключений» Виктора Платоновича, то о них рассказывать очень непросто. Дело в том, что у него... не было никаких «приключений». Некрасов был неисправимым однолюбом.

20. На фронте

В августе 1941 года Виктор Платонович стал офицером инженерных войск. В чине лейтенанта (право стать офицером предоставлял диплом строительного института) он занял должность инженера полка. Потом занял должность заместителя командира сапёрного батальона. Вместе со своим батальоном прошёл горнило Сталинградской битвы, воевал на территории Украины и закончил войну в Польше, где в конце 1944 года получил второе за три года ранение, после которого был комиссован, как инвалид войны.

С этого момента, а именно – с момента участия сапёрного батальона, в котором служил Некрасов, в Сталинградской битве, жизнь Виктора Платоновича сделала крутой поворот. В принципе, судьбу будущего писателя серой не назовёшь – и в довоенной молодости она была насыщена событиями (о многих из которых Некрасов рассказал в своих книгах и, в частности, в повести «Саперлипопет»). Однако именно военные переживания стали сюжетом его главного произведения – повести «В окопах Сталинграда». Главный герой повести – лейтенант Керженцев. С некоторыми условностями – всё же это повествование не строго документальное – Керженцева можно отождествить с самим Некрасовым.

В этой относительно небольшой по объёму военной повести (а Некрасов в своей литературной жизни никогда не писал «романов-кирпичей»), охватывающей события с июля по октябрь 1942 года (и чуть позже, когда Керженцев возвращается после ранения из госпиталя в свой полк) Виктор Платонович следовал принципу, который нашёл интуитивно сам – «пиши о том, что пережил сам».

21. Сталинград

Можно представить, что переживает интеллигентный, хорошо образованный молодой человек, попавший в кромешный ад грандиозного сражения, в котором счёт загубленных жизней шёл даже не на десятки, а на тысячи. Грязь, кровь, человеческие страдания, безысходность, злость, стремление выжить и при этом не вступить в конфликт с собственной совестью, долг воина и сострадание – всё это способно уничтожить душу или... закалить её.

Керженцев (он же Некрасов) со своим главным в жизни испытанием справился. Он возглавил батальон после гибели командира, выдержал важную атаку, пережил гибель товарищей и едва ни погиб сам. Яркими всполохами загораются людские судьбы и гаснут, гаснут в чёрном дыму великой войны. Люди гибнут десятками. Из старых товарищей Керженцева остаются лишь единицы. И тут же проблема цены человеческой жизни – суд над начальником штаба полка Абросимовым. По его вине погибла половина батальона... Калейдоскоп неожиданных трагических событий – на войне как на войне...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.